

НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Февраль, 2017 (№ 58)

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ
К УПРАВЛЕНИЮ НАУКОЙ
В ИНДУСТРИАЛЬНО РАЗВИТЫХ
СТРАНАХ

Специальный выпуск

Наука за рубежом

№ 58, февраль 2017

Ежемесячное аналитическое обозрение

Издается с 2011 г., индексируется в РИНЦ

Электронное издание:

www.issras.ru/global_science_review

Редакционная коллегия:

Л. К. Пипия (руководитель проекта), В. С. Дорогокупец,

О. Е. Осипова, Н. В. Шашкова, В. А. Хохлова

Рубрика **«Социальные и экономические науки и статистика»**

Авторы выпуска: **Л. К. Пипия, В. С. Дорогокупец**

Выпускающее подразделение: **Сектор анализа зарубежной науки**

Редактор О. Е. Осипова

Компьютерная верстка: Н. В. Шашкова

Художник А. Н. Горностаева

Размещение в сети Интернет: К. В. Никитин

Специальный выпуск

подготовлен при поддержке программы фундаментальных научных исследований президиума Российской академии наук № 28 «Фундаментальные проблемы оценки состояния и перспектив развития российской науки».

СОДЕРЖАНИЕ

<u>1. Институционализация систем</u> <u>оценки научной деятельности</u>	4
<u>2. Новые тенденции в развитии</u> <u>зарубежных университетов</u>	9
<u>3. Анализ университетской реформы в Германии</u>	17
<u>Список литературы</u>	34

Последние два десятилетия ознаменовались существенными изменениями в подходах к управлению наукой. В девяностые и нулевые годы в англоязычной научной литературе появилось большое количество публикаций, посвященных вопросам управления научными исследованиями и разработками в государственном секторе. Напомним, что в большинстве индустриально развитых стран государственный сектор состоит из академической (университетской) науки и государственных лабораторий. Пристальное внимание к регулированию государственного сектора исследований и разработок обусловлено не только растущими расходами на содержание государственной науки, но и тем, что сами результаты научных исследований становятся важным стратегическим активом в международной конкуренции и борьбе за технологическое доминирование.

1. Институционализация систем оценки научной деятельности

Вопросы управления наукой подразумевают наличие целей государственной научной политики, определенных стандартов оценки результатов научной деятельности, необходимых для распределения финансирования, и мониторинг различных аспектов осуществления этого вида деятельности (использование финансовых средств, результаты исследования, оценка эффективности потраченных ресурсов и т. д.). Как правило, такой вид управления оптимален для текущих краткосрочных целей государственной политики, однако в результате кратковременность начинает доминировать в работе агентств, занимающихся поддержкой государственного сектора научных исследований. При наличии сложной системы управления научными исследованиями, многочисленных государственных лабораторий и университетских центров, с одной стороны, и разноуровневых целей, ради которых осуществляется государственное финансирование исследований и разработок – с другой, упрощенного подхода к вопросам управления наукой оказывается недостаточно. Так, отдельные американские исследователи еще в начале 1990-х гг. указывали на то, что страны, не сформировавшие к тому времени систему оценки на регулярной основе, через 10 лет будут вынуждены выстраивать ее, чтобы совладать с процессами, происходящими в научной сфере [1].

И действительно, процесс «изобретения» количественных и качественных оценок научной деятельности захватил практически все страны, имеющие мало-мальски развитую науку. Ричард Уитли выделяет два типа системы оценки научной деятельности (СОНД) – слабый и сильный [2].

Слабая СОНД подразумевает наличие ряда характеристик. Обычно ей свойственна неформальная организация как на уровне финансирующих государственных агентств, так и на университетском уровне. Процедуры или критерии, применяемые в этом случае, не только слабо формализованы, но и не стандартизированы. Как правило, заключения об оценке выносятся не публично и нацелены в большей степени на стимулирование организации и проведение организационных или структурных изменений в указанном направлении, чем на вынесение окончательных суждений. Такая оценка фокусируется преимущественно на общей эффективности и качестве исследовательских групп или подразделений и не преследует цель ранжировать их по отдельным исследовательским позициям. Результаты оценки не отражаются напрямую на финансировании оцениваемых подразделений, хотя могут иметь среднесрочные последствия. Слабая СОНД поощряет отдельных исследователей и организации в целом выстраивать более четкие исследовательские стратегии и сосредотачивать основное внимание на исследованиях, признанных актуальными в глобальном масштабе. Подобное поощрение ведет к постепенным улучшениям в организации исследовательской деятельности и, не предполагая радикальных изменений, может привести к существенным организационным сдвигам.

Сильная СОНД, напротив, строится на общественной оценке качества исследований, которая уже прошла стадию институционализации. Эта оценка проводится на регулярной основе и характеризуется высокой степенью формализации правил и процедур. Результаты такой оценки обычно ранжируются по стандартной шкале и публикуются, т. е. они прозрачны и доступны широкой публике. СОНД прежде всего практикуется для существующих дисциплин в пределах устоявшихся научных границ. Важным последствием применения сильной СОНД является то, что она напрямую влияет на принимаемые финансовые решения и потому является областью повышенного интереса руководства университетов и научных организаций государственного сектора.

Можно обобщить и выделить пять основных последствий институционализации сильных систем оценки научной деятельности. Во-первых, сталкиваясь с необходимостью оценивания исследовательских результатов, ученые начинают отдавать себе отчет, что они находятся в условиях конкуренции с коллегами за профессиональное признание, получение адекватного финансирования под свои проекты и т. д. Это, в свою очередь, означает, что представители научного сообщества начинают «подстраиваться» под коллективные задачи в своей области, воспринимая их в том виде, в каком их понимают те, кто устанавливает правила игры по оценке. В этом смысле научное сообщество становится более интегрированным, а СОНД – более влиятельной.

Во-вторых, поскольку эксперты оценивают научный результат не одного исследования, а целого спектра исследований и даже направлений в одной области науки, то они вынуждены стандартизировать критерии оценки качества и научной значимости исследований. Стандартные подходы приводят к централизации оценок в пределах области науки как на уровне индивидуальных исследований, так и на уровне университетов и исследовательских организаций. Поскольку процесс оценки воспроизводится на регулярной основе, ее цели и стандарты институционализируются в качестве доминантных для данной области.

Следует иметь в виду, что вместе с целями и стандартами институционализируется также и риск стратегической неопределенности. Например, если экспертное предпочтение отдается одним направлениям в заданной области в ущерб другим, то риск неуспеха условно приоритетных направлений институционализирован вместе с целями и стандартами оценки, которые возвели неуспешные направления в ранг приоритетных. В то же время наличие регулярного мониторинга системы оценки позволяет снизить этот риск и благодаря анализу информации, предоставляемой системой оценки, вовремя идентифицировать тупиковые направления исследования и уйти от них.

В-третьих, соединение стандартизации исследовательских целей и критериев оценки исследовательской деятельности способствует снижению многообразия научных подходов, существующих в мире науки. По мере того как процесс оценки приобретает все большее значение для ис-

следователей и администрации научных организаций, возрастает давление доминирующих научных направлений, сформированных под воздействием системы оценки. В этих условиях исследователю, ставящему новые научные задачи и выступающему с инициативой введения новых способов проведения исследования, приходится прилагать огромные усилия, чтобы доказать финансирующей стороне перспективность своего проекта.

В-четвертых, подобное «постоценочное» усиление дисциплинарных стандартов и направлений тормозит появление новых областей исследования, поскольку последние несут в себе более высокие риски для инвестирования. Возрастающая конкуренция исследователей за профессиональную репутацию и ресурсы, вызванная воздействием сильной СОНД, сдерживает ученых, добившихся успехов на сложившихся направлениях, от перехода в новые области исследования и применения новых исследовательских методов и экспериментальных методик. Следовательно, институционализация системы оценки научной деятельности препятствует интеллектуальным инновациям и способствует консервации уже сложившихся тенденций.

Наконец, в-пятых, стандартизация, формализация и публичность в ранжировании исследователей и исследовательских организаций по результатам их деятельности способствуют образованию системы стратификации по отношению к ученым, исследовательским коллективам и организациям в целом. Ученые, которых вынуждают постоянно соотносить свое место в «табели о рангах» с другими, невольно смещают свое внимание с чисто исследовательских целей на задачи второстепенные в науке. Кроме того, ранжирование способствует концентрации научных ресурсов в небольшом числе элитных университетов, в то время как менее удачливые организации «скатываются» в аутсайдеры. Эти последствия важно предвидеть, и лица, принимающие решения в области научной политики, обязаны разрабатывать систему мероприятий, сглаживающих или противодействующих нежелательным последствиям институционализированных систем оценки.

Если говорить о различиях между национальными научными системами, то следует отметить, что сложные научные системы¹ с большим количеством финансирующих организаций с различными целями и значительными ресурсами, имеющимися в их распоряжении, создают для исследовательских групп и отдельных исследователей более комфортную среду и позволяют им быть менее зависимыми от условий, диктуемых институционализированными системами оценки. Соответственно, в научных системах с ограниченными ресурсами и небольшим числом финансирующих агентов правила игры, навязываемые сильными СОНД, воздействуют на научное сообщество и структурируют его интенсивнее, чем это происходит при неформализованных системах оценки. В этом случае ученые более зависимы от достигнутого научного статуса и профессиональной репутации и менее охотно меняют сферу деятельности с целью, например, рискнуть воплотить свои научные результаты в инновационный продукт. Иными словами, ученый, работающий в условиях жестко структурированной системы с ограниченными агентами финансирования, вряд ли покинет стены университета или своей исследовательской организации, чтобы на время заняться инновационным предпринимательством. А если и рискнет сделать это, то ему уже будет трудно снова вернуться к исследовательской деятельности.

Следует также упомянуть о случае, когда сложные научные системы жестко сегментированы. Тогда при наличии сильных оценочных систем научное сообщество, как и сеть научных организаций, действует в жестко заданных условиях, причем правила игры отличаются от сегмента к сегменту. Как следствие жесткой регламентации, ученые, скорее всего, будут сильно привязаны к той организации (университету), в которой они работают, и вряд ли будут мобильны.

Конечно, мы говорим здесь о научных системах в самом общем виде. Сложные, высокодиверсифицированные или жестко сегментированные системы вряд ли существуют в чистом виде. Более того, особенности научной

¹ Можно говорить, что в стране существует сложная научная система, если для нее характерны: 1) широкий фронт исследовательских направлений; 2) высокая концентрация исследователей на заданную численность экономически активного населения; 3) относительно высокий уровень расходов на науку в ВВП; 4) разветвленная сеть научных бюджетных и частных фондов, финансирующих исследования; 5) институционализированная среда передачи научных результатов в промышленность и частный бизнес.

модели могут варьироваться от одной научной области к другой. Скажем, в области биологических наук научная система может вести себя как высоко-диверсифицированная, а в области математики она может быть простой с ограниченным участием финансирующих агентов. Однако все эти особенности лучше учитывать при выработке конкретных мер научной политики.

В целом следует подчеркнуть, что институт оценки научной деятельности стал развиваться вследствие необходимости поставить под контроль нарастающие объемы направляемых в сферу научных исследований общественных ресурсов. В свою очередь, достигаемый при помощи СОНД контроль за ними позволил делегировать распределение части общественных научных ресурсов администрациям университетов и организациям государственного сектора. Из этого следует другой важный вывод: поскольку каждая страна обладает специфическими характеристиками своих научных систем, то и системы оценки отличаются от страны к стране. Было бы ошибкой распространять успешный опыт отдельно взятой страны на все научные системы. Если бы это было возможно, то наука в разных странах существовала бы в идентичных институциональных условиях.

2. Новые тенденции в развитии зарубежных университетов

Исторически университеты являются старейшей формой организации научной деятельности. В течение многих веков происходил процесс их адаптации к меняющимся условиям политической, социальной и культурной среды. В XXI в. генерация новых знаний и их распространение, равно как накопление человеческого капитала, легли в основу роста экономического благосостояния населения и развития современных экономик. Следовательно, институты высшего образования, или университеты, можно причислить к важнейшим факторам, способствующим процветанию не только нации, но и общества в целом. Текущая геополитическая и экономическая ситуация ставит перед университетами сложнейшие беспрецедентные задачи, которые не в последнюю очередь обусловлены изменяющейся коммуникативной средой.

В этом параграфе обобщены изменения, произошедшие за последние два десятилетия в университетской (академической) науке индустриально развитых стран. В основу выводов о происходящих в настоящее время

сдвигах в исследовательском секторе высшего образования (академическом секторе – в терминах западного науковедения) положен опыт западноевропейских и американских университетов.

Управление университетскими научными исследованиями

Если рассматривать функцию университетов упрощенно, то традиционно она заключается в создании и применении обучающих технологий, представляющих собой формальные инструкции по усвоению накопленных объемов знаний. Фактически университеты являются хранилищами кодифицированной информации, предназначение которой обусловлено не только учебными, но и исследовательскими целями. Ученые, вовлеченные в исследовательский поиск в университетских лабораториях, в сущности, принимают на себя риски по изучению неизведанных территорий в двух плоскостях. Научная работа ведется как в ментальном (теоретическом) пространстве, так и опытно-экспериментальным путем. Вполне очевидно, что результаты такого поиска должны пройти оценочный этап, по итогам которого коллеги или научное сообщество признают аттестуемые научные достижения (и тогда они пополняют копилку знаний) или отвергнут их. В последнем случае результат исследования считается отрицательным.

Возрастающий объем потребления научных ресурсов в мире правомерно ставит вопрос о доступности научных результатов: насколько достижения фундаментальных исследований должны быть доступны для широкой публики или для потенциальных потребителей, целесообразна ли фильтрация такой доступности. В этой связи в западном научном сообществе широко дискутируется вопрос об открытости научных исследований и разработок и доступности научно-исследовательских результатов. В повестке дня многих западных науковедов стоит обсуждение концепции «открытой науки». Под «открытой наукой» подразумевают комплекс мероприятий, которые ставят своей целью поощрять важность и значимость открытого распространения знаний и доступа к научной информации. В самом общем смысле концепция «открытой науки» реализует представление о науке как об общественном благе. Речь идет о той части научных исследований и разработок, которые финансируются за счет государственных средств из бюджетов всех уровней.

Проблема заключается в том, что предпринимаемые в последние годы меры научной политики побуждают университеты (практически повсеместно) формировать из результатов исследований объекты интеллектуальной собственности и придавать им ярко выраженный товарный вид, способствующий последующей коммерциализации. С этой точки зрения подход «открытой науки» противопоставляется тотальной коммерциализации исследовательских результатов [3]. В эпоху стремительного развития информационной среды концепция «открытой науки» подразумевает создание центров научно-технической документации, баз экспериментальных данных с обеспечением свободного к ним доступа.

На макроэкономическом уровне «открытая наука» и коммерчески ориентированные исследования и разработки выступают как взаимодополняющая пара институционально оформленных подсистем. Следовательно, для того чтобы сохранить оптимальный баланс этой пары, необходимо гарантировать адекватное финансирование институтов и программ, обеспечивающих функционирование «открытой науки». Таким образом, с точки зрения научной политики возникает среда открытых исследований, на которую не должен распространяться режим защиты прав интеллектуальной собственности. Между двумя подсистемами – «открытой наукой» и коммерчески ориентированными научными исследованиями – не существует жестко очерченной грани, а стало быть, она может смещаться в ту или иную сторону. Поскольку на данный момент не разработаны критерии, на базе которых возможно определить, какие данные должны быть доступны широкой публике в обязательном порядке, а какие подлежат дальнейшей коммерциализации, то умение найти баланс между двумя подсистемами относится, скорее, к искусству управления, нежели к науке как таковой.

Немаловажным аргументом в пользу открытого распространения новой научной информации является тот факт, что фундаментальная наука имеет дело с «неизведанными территориями», а следовательно, обеспечивает появление труднопрогнозируемых прорывных знаний, которые в конечном итоге окупают в общественном масштабе затраты на фундаментальные исследования.

Необходимо также отметить, что результаты фундаментальных исследований способствуют продвижению не только «открытой науки», но и

прикладной части исследований и разработок. Более того, систематизированное новоприобретенное знание в виде новых учебных программ и курсов создает необходимую основу для профессиональной подготовки будущих исследователей, специалистов в области управления наукой, независимо от того, в какой сфере будет разворачиваться их деятельность: в государственном секторе или корпоративном.

Выдвигается еще один существенный аргумент в пользу поддержки «открытой науки», а именно: открытый доступ к новой научной информации способен существенно облегчить оценку и прогнозирование научного прогресса и выявить, какой технологический базис закладывается благодаря новым научным достижениям. Если закрыть доступ к мониторингу научных достижений, то в этом случае подобная оценка будет сильно затруднена из-закратно возрастающих затрат на нее. Отсюда напрашивается вывод, что существование подсистемы «открытой науки» способствует снижению рисков инвестирования в прикладные исследования и разработки.

Потребность сосуществования обоих секторов (и «открытой», и коммерциализированной науки) бесспорна, однако встает вопрос о необходимости принятия сбалансированных решений относительно выделения финансовых средств на поддержку академической, в данном случае университетской, науки и прикладных исследований в научных организациях корпоративного сектора [4]. Этот процесс не так прост и с трудом поддается институционализации. На уровне одной организации, в отдельно взятом университете, его многосложность и вовсе возрастает в геометрической прогрессии. Кроме того, сосуществование в рамках одной научной организации (университета) открытой и коммерциализируемой частей научных исследований требует различных подходов к управлению, так как для первой результатом будет информация с открытым доступом, а для второй – результат будет оцениваться с точки зрения превращения его в объект интеллектуальной собственности и пригодности к дальнейшему лицензированию и коммерциализации.

Таким образом, трудности технологического трансфера исследовательских результатов, полученных в университетской среде, имеют объективную основу и обусловлены непреложным требованием сосуществования двух автономных взаимодополняющих подсистем («открытой науки» и ком-

мерциализированной в прикладных исследованиях). В этих условиях перед университетами стоит очень непростая задача по выполнению своей главной миссии в возникающей среде коммуникационных технологий XXI в.

Новые технологии университетского образования

Университеты традиционно представляют собой симбиоз образовательной и исследовательской среды. Информационно-коммуникационные технологии служат катализатором развития новых форм предоставления университетского образования. Одна из них – форма открытого университета. Ее выгодной и отличительной характеристикой является возможность мобилизовать образовательные ресурсы, минуя их обязательное вовлечение в исследования и разработки (гумбольдтовская модель университета), и предоставить университетские образовательные программы обучающимся самых разных возрастных категорий, которые, ко всему прочему, могут находиться в различных географических точках (так называемое дистанционное образование).

В качестве еще одного очевидного тренда развития университетского образования следует назвать институционализацию программы продолжающегося обучения – так называемая концепция образования на протяжении всей жизни.

Подобная образовательная стратегия появилась как ответ на сложившуюся ситуацию, когда людям приходится продолжать учиться в течение жизни, осваивать новые навыки и даже профессии, для того чтобы поддерживать собственную конкурентоспособность на рынке труда. «Образование в течение всей жизни» – это университетская стратегия, принятая на уровне министров образования европейских стран, которая охватывает все виды целенаправленной учебной деятельности. Само обучение становится частью единой взаимосвязанной образовательной системы, подразделяющейся на формальные и неформальные этапы обучения. Другими словами, произошло смещение акцентов с так называемой поставляющей стороны (университеты) на потребляющую сторону (обучающиеся). Социально-экономические причины, которыми в настоящий момент уже невозможно пренебрегать (изменение иммиграционной политики, вынужденный рост мобильности рынка труда, поляризация между интеллектуальными работниками и людьми, не обладающими профессиональными

навыками и знаниями и т. д.) подводят общество к принятию неоспоримой данности: учиться следует непрерывно, постоянно и последовательно.

При таком подходе модификация традиционной карьеры неизбежна. Сравнительно недавно все карьерные изменения одного человека происходили в рамках выбранной им профессии. В настоящее время благодаря возможности обучения на протяжении всей жизни человеку за время трудовой деятельности дается шанс переходить из одной профессиональной области в другую, т. е. складывать свой карьерный рост из различных профессиональных областей различных компетенций как в рамках одной организации, так и переходя из одной организации в другую. Но у любой медали, как известно, всегда две стороны. Внедрение концепции обучения в течение всей жизни приводит к таким социальным последствиям, как снижение рождаемости, а следовательно, изменению баланса между различными возрастными группами населения в пользу старших возрастных групп. Следует обратить внимание на феномен «возрастных подвижек», при котором средний возраст выхода на пенсию переносится на более поздний срок. В заданных социальных координатах университетам ничего не остается, как начать конкурировать на рынке дистанционного обучения. Итогом такой конкуренции стало формирование университетских консорциумов, предоставляющих дистанционные образовательные услуги.

Экспертная функция университетов

В области экспертной деятельности университеты вынуждены находить золотую середину между потребностью быть вовлеченными в качестве представителей и консультантов в экспертную деятельность по запросу правительственных агентств и корпораций, с одной стороны, и необходимостью сохранять приемлемый уровень защиты академической свободы в университетском научном сообществе, с другой. Справедливости ради следует отметить, что чем больше университеты вовлечены в деятельность по запросам органов государственной власти или представителей деловых кругов и чем больше они заинтересованы в получении спонсорской помощи в виде грантов или дорогостоящего оборудования из этих источников, тем больше соответствующие внешние воздействия этих заказчиков влияют на структуру и климат научного сообщества внутри университета. В этих условиях университеты вынуждены искать внутренние рычаги регулирования поведения преподавателей и ученых, что-

бы предотвратить конфликты интересов и возможные злоупотребления на исследовательской ниве (присвоение чужих исследовательских результатов, недобросовестную конкуренцию в получении грантов, поиск «научных обоснований» для ненаучных вопросов и др.).

Новая информационная среда в сочетании с глобальным измерением порождает новые формы конкуренции между университетами в борьбе за ресурсы глобальных спонсоров в обмен на предоставление экспертных услуг. Соответственно, при выходе в глобальное измерение проигрывающей стороной оказываются не только менее сильные университетские сообщества, но и возможные спонсоры университетов на местах, т. е. небольшие по масштабам фирмы и местные органы власти. Научно-образовательная политика многих европейских стран изыскивает или создает рычаги давления, под воздействием которых университеты вынуждены оптимизировать свои издержки. Логически оправданным результатом такой стратегии стала ситуация, при которой многие университеты приветствуют дифференцированную работу факультетов, а именно поощряют поиск и заключение ими контрактов по оказанию консультационных и экспертных услуг. С одной стороны, такие контракты активизируют университетские исследования, а также подготовку кадров для исследовательской деятельности, с другой – эти же контракты способствуют отдалению университетов от принципов «открытой науки».

Информационная функция университетов

Университеты и исследовательские организации государственного сектора представляют собой институциональный срез «открытой науки». В этой ипостаси они выполняют важную социальную функцию депозитариев научной информации с открытым доступом. Как известно, в корпоративных исследовательских организациях частного сектора секретность и информационный контроль тесно связаны с функцией извлечения прибыли из результатов исследований и разработок. В последние годы государственная научная политика все больше поощряет университеты к самостоятельному добыванию средств, что ведет к коммерциализации части университетских исследований и соответствующему информационному контролю. Университеты и корпоративные исследовательские организации встречаются на одном поле в качестве игроков, конкурирующих за финансовые ресурсы. В этой связи под угрозой оказываются ценные

этические и культурные практики «открытой науки» в интересах всего общества. Исторически сложилось, что вышеозначенная общественная функция была возложена именно на университеты. В настоящее время не существует других общественных институтов, способных обеспечивать открытый доступ к научной информации. Следовательно, университеты должны продолжать развивать исследовательские библиотеки, создавать специализированные архивы и музейные научные коллекции, оснащать лаборатории, которые являются необходимой частью образовательного процесса и формирования учебных программ.

Современные информационные технологии способствуют появлению новых форм обучающих материалов: электронные презентации, компьютерные игры, инструменты симулирующего моделирования. Облагороженные наглядными материалами учебные курсы легко доступны в электронном виде. Такие наглядные пособия формируют информационное наполнение, необходимое для развития дистанционного обучения.

Многие университеты приняли на вооружение политику создания и развития институциональной базы электронных препринтов научных публикаций. Архивирование этих материалов с использованием формата метадаты позволяют пользователю при помощи семантического поиска получать доступ к необходимым публикациям по индивидуальному запросу.

Недавние опросы американских университетских ученых, специализирующихся в области биомедицинских исследований, показали, что исследователи больше обеспокоены отставанием в получении научных результатов в сравнении с результатами своих коллег, чем потенциальными выгодами от патентования собственных достижений. Немаловажно, что забота об оформлении прав собственности ложится на плечи университета. В этой связи интересно заметить, что конкуренция за результат на уровне исследователей сокращает возможности свободного обмена научной информацией между ними, а на уровне университета в целом накладывает ограничения на доступ к запатентованным инструментам, методикам и методам для внешних пользователей. Описанный тренд также способствует снижению возможности свободного доступа к научным результатам, получаемым университетами.

Изложенное выше показывает, что академическая (университетская) наука западных стран является объектом воздействия противоречивых тенденций. С одной стороны, университеты поощряются к самостоятельному добыванию средств и коммерциализации получаемых научных результатов, а с другой стороны, университеты призваны выполнять общественную функцию обеспечения свободного доступа к результатам фундаментальной науки, которая является по сути общественным благом.

3. Анализ университетской реформы в Германии

В конце 2000-х гг. вышла работа известного немецкого науковеда Петера Вайнгарта в соавторстве с Сабин Мазен «Ранжированная элита – появление предпринимательского университета» [5], в которой обобщается опыт трансформации университетской науки, реформированной в 1990-е гг. в Германии. Пионерами в реформировании университетов на европейском пространстве были Великобритания и Нидерланды. Немецкая научная система отличалась от них большей иерархичностью и меньшей открытостью по отношению к так называемому публичному пространству. В конце 1980-х гг. (1989 г.) вместе с объединением Германии произошло поглощение восточной немецкой науки научной системой, сложившейся в Западной Германии. Это слияние вызвало эрозию фундаментального принципа, на котором строилось управление западногерманской наукой, а именно принципа институционализированного доверия общества ученым и выстроенного на этой основе механизма саморегулирования научного сообщества. В воссоединившейся стране был запущен процесс, обуславливающий изменения в управлении университетами. В лексикон университетской администрации прочно вошли слова из мира бизнеса: подотчетность, прозрачность, эффективность.

Все виды и области университетской деятельности постепенно начали рассматриваться сквозь призму эффективного менеджмента. В настоящее время в университетах Германии сложилась ситуация, при которой управление ими практически полностью осуществляется через создание системы оценки науки. Концепции подотчетности и контроля перестали носить формальный характер. Так называемая культура ответственности за исполнение своих полномочий и обязанностей, пришедшая из мира промышленных и финансовых корпораций, распространилась настолько, что

ученые вынуждены выстраивать свою деятельность, руководствуясь принципами подотчетности, прозрачности, эффективности. Результаты преобразований не заставили себя долго ждать. Затронув все уровни университетской пирамиды – от отдельных ученых до учреждения в целом, – новые тенденции способствовали возникновению так называемых предпринимательских университетов. Необходимо уточнить, в данном контексте слово «предпринимательский» означает не отдельные виды университетской деятельности, такие как, например, трансфер технологий, а охватывает все характеристики академического процесса (преподавание, исследование, управление, трансфер знаний, отношения с внешним миром). Кроме того, предлагаемый термин отражает возникновение новых реалий: университеты полностью пересматривают отношения между наукой и обществом в терминах количественных показателей и подотчетности. Если в классической модели университетов подразумевалось, что для достижения общего блага университет в своей деятельности использует доверие, делегированное ему обществом, то в «новом социальном контракте» предпринимательский университет – это эффективный и ответственный субъект, нацеленный на достижение общего блага, которое в заданные промежутки времени сводится к достижению определенных количественных показателей и соответствует идеологии подотчетности, прозрачности и эффективности. Между тем возникает вопрос, может ли действительно высококачественное образование, высокие научные достижения, превосходство в исследованиях исчерпываться набором количественных показателей и подвергаться подотчетности? Однозначного положительного ответа на этот вопрос нет. Как считается, современное западное общество – это общество знаний, в котором знания как таковые становятся в большей степени объектом управления, чем объектом научной политики.

Для организационной структуры предпринимательского университета характерны четыре элемента:

- 1) организационная подотчетность (процедуры оценки);
- 2) определение организационных целей (декларация миссии университетов);
- 3) разработка формальных процедур и практик, позволяющих достигать эти цели;
- 4) выделение функции управления в университетах в самостоятельную (профессиональную) деятельность.

Рассмотрим каждый из этих пунктов по отдельности.

Подотчетность. Обеспечение деятельности по оценке и аккредитации является общим трендом развития культуры подотчетности. Так, одно из основных положений Ассоциации европейских университетов (European University Association) гласит: «Прогресс требует, чтобы европейские университеты действовали в согласии с ведущим принципом автономии, основанном на подотчетности»². Растущая важность оценок и различных аккредитаций сопровождается появлением специализированных организаций и ассоциаций. Между тем тот факт, что академическая деятельность препарируется стандартными процедурами количественных показателей и отчетов, вызывает в университетском сообществе нарастающий коллективный скептицизм и критику. Проникновение «аудиторского общества» в университетские стены, распространение его правил на деятельность, которая носит индивидуальный творческий характер, вылилось в обязанность университетов как организаций объяснять, обосновывать и отвечать на вопросы, выходящие за рамки образовательных программ.

Определение целей. Интернет-сайты любого европейского университета пестрят, как навязчивая реклама, заявлениями о миссии университета. Здесь и там мелькают «центры превосходства», «национальная и международная ориентация», «обучение на протяжении жизни», «междисциплинарность». В Германии, например, декларация о миссии является важнейшим условием для аккредитации частных университетов. С одной стороны, заявленные цели обычно отражают стратегию университетов, а с другой стороны, они подразумевают выполнение рутинной работы по принятию каждодневных решений. Однако такая амбивалентность в декларировании миссии не означает, что она нефункциональна, и не должна расцениваться как «игра на публику». Напротив, декларации о миссии, несмотря на их церемониальный характер, являются своеобразным зеркалом, в котором отражаются ожидания общества по отношению к университетам.

Разработка формальных процедур. Декларация миссии и постановка целей требуют от университетов построения соответствующих формальных структур, которые с определенной компетентностью и

² European University Association. Official website – <http://www.eua.be/>

эффективностью отвечали бы специфическим задачам и соответствовали бы заявленным целям. Эти структуры должны обеспечивать причинно-следственные связи между достижением намеченных целей и надлежащим контролем за их выполнением. Современный университет сегодня имеет в своем составе специализированные подразделения, отвечающие за международные связи, повышение квалификации персонала, бухгалтерские и финансовые службы, а также подразделения по гендерным вопросам, организационному развитию, психологической поддержке и технологическому трансферу. Каждое из этих подразделений ставит перед собой задачи, выраженные в количественных и качественных показателях, и управляет процессами по выполнению этих задач. Например, в случае с подразделением технологического трансфера в модели предпринимательского университета неформальные или личные связи между университетскими исследователями и представителями индустрии дополняются формальными организованными отношениями, и ответственность за трансфер конкретной технологии смещается в этом случае от индивидуума (личных отношений) к организации (между университетом и бизнес-структурой).

Функция управления в университетах как обособленная профессиональная деятельность. С одной стороны, к выполнению административных задач, среди которых фигурируют управление сотрудниками, финансовая отчетность и контроль качества, все чаще привлекаются исследователи и профессора университетов. С другой стороны, в университетах целенаправленно создаются рабочие места для выполнения различных управленческих функций. Более того, учреждаются специализированные журналы, посвященные тем или иным вопросам управления в области высшего образования или университетских исследований. Появляются специализированные курсы, программы и даже институты по подготовке менеджеров – специалистов в области высшего образования. Примечательно, что первоначально этот феномен зародился и распространился в США. Что касается европейских стран, то выделение управленческой функции в образовании, здравоохранении и других общественно значимых областях носит искусственно насаждаемый характер. В сложившихся условиях функция управления, которая оформилась в виде отдельной профессии, требует дальнейшей институционализации.

Обобщая, можно сказать, что операционный уровень нового режима существования университетов заставляет последние трансформироваться в корпорации и, подобно корпорациям, во-первых, быть общественно подотчетными, а во-вторых, пользоваться преимуществом самоуправления. Считается, что эффективность университетов возрастет, если они сами для себя будут устанавливать цели. В этом случае результативность их деятельности будет гораздо выше по сравнению с той, которая была зафиксирована в классической модели университетов, когда ими управляли государственные чиновники. С точки зрения администрации университетов это означает смещение акцента с бюджетирования расходов, контролируемых государством, в пользу автономных механизмов бюджетирования и последующего контроля. В этих условиях подбор и расстановка персонала становятся обязанностью университетов, факультеты и межфакультетские институты имеют собственные субсчета и могут формировать свои расходы в пределах имеющихся на них средств. Кроме того, система вознаграждения, или заработной платы, выстраивается таким образом, что все университетские надбавки по зарплате коррелируются непосредственно с достижениями сотрудника.

Понятно, что в условиях, сложившихся на европейском пространстве, университетам, изначально установившим хорошие контакты с находящейся за рамками учебных заведений общественностью и гарантирующим внешней публике высокую степень информационной доступности, гораздо легче приспособиться к новой институциональной среде по сравнению с теми университетами, которые в большей степени озабочены вопросами академической чистоты и поддержания элитарности в своей среде. Другими словами, модель предпринимательского университета размывает понятие академического элитаризма путем поклонения трем «управленческим божкам»: подотчетности, прозрачности, эффективности.

Теперь рассмотрим более детально вопрос о том, как происходила и к чему привела реформа университетов в Германии. Следует подчеркнуть, что науке и высшему образованию в Германии присуща характерная особенность, а именно: на этой сфере традиционно сфокусировано пристальное внимание политиков и общественности. По этой причине вопросы науки и высшего образования регулярно становятся предметом жарких политических дискуссий и публичных дебатов. Кроме того, с учетом силь-

ной федералистской составляющей немецкой политической системы университетам отведена роль неразменной монеты в политической игре на всех ее уровнях. Следует также учитывать, что в Германии академическое (университетское) сообщество считается последним островком элитарности в эгалитарном государстве, и поэтому сфера науки и образования является предметом зависти и ревности других слоев общества.

Одной из важных составляющих университетской реформы стало продвижение идеи превосходства (*excellence*). Само продвижение этой идеи в начале 2000-х гг. подразумевало появление прослойки «лучших из лучших», так называемых элитных университетов. Интересно, что реформа очень активно освещалась средствами массовой информации, и для этого были привлечены к работе даже PR-агентства. Вообще следует признать, что роль медийных ресурсов в неолиберальной реформе высшего образования в Европе в целом и в Германии в частности была огромной. Та же картина наблюдалась и в России. В качестве примера достаточно вспомнить кампанию, развернутую СМИ под эгидой Министерства образования и науки во время продвижения идеи национальных исследовательских университетов в России. Сравнивая те изменения, которые произошли в среде высшего образования в европейских странах, странах бывшего советского блока и в России, в глаза бросается очевидный факт: все эти реформы – с небольшими модификациями – были сделаны как будто под одну кальку.

Возвращаясь к германскому опыту, отметим, что идея превосходства и «элитарных университетов» (а мы помним, что все высшее образование в Германии считалось элитарным) спровоцировала острые дебаты в немецком обществе. Накал страстей достиг пика, когда федеральное правительство ФРГ в начале 2004 г. опубликовало план по созданию «элитных университетов» по образцу университетов Гарварда и Стэнфорда. Показательно, что ректоры самых больших университетов Германии в Мюнхене и Бонне тут же выступили в СМИ с заявлением, что их университеты и так являются элитарными, и безоговорочно поддержали идею превосходства. Однако в другой части общества опубликованный план не вызвал восторгов, более того, многие предостерегали правительство от опасности, которая может возникнуть при делении университетов по признаку элитарности и приведет к недостаточному финансированию оставшейся

части университетского сообщества. Противники реформы призывали правительство сосредоточить усилия на улучшении условий в рамках всей системы высшего образования в целом.

В процессе дебатов больше всего обсуждалось три блока вопросов.

- Вопросы, связанные с Bildung (фундаментальным образованием). Дискутирующие стороны были согласны с тем, что фундаментальное образование в университетах не достигается путем принятия экономических решений и что университет, способный давать фундаментальное образование, как правило, накапливает свой образовательный и научный потенциал в течение многих лет. При этом одна сторона высказывалась в пользу введения более общих образовательных программ и научно-исследовательских планов, а другая настаивала на более тесной связи между фундаментальным образованием в университетах, предпринимательством и творчеством. Эта дискуссия показала, что разнообразие восприятий концепций и задач высшего образования может быть реализовано только в высокодиверсифицированной университетской системе и что предпринимательский дух этой системы должен быть направлен на поиск соответствующей рыночной ниши.

- Другой блок касался способов финансирования. Общественность приветствовала планы правительства инвестировать в инициативу превосходства, но поскольку речь шла о сумме 1,9 млрд евро, многие обратились к правительству с критикой, так как выделяемых средств явно недостаточно. Подразумевалось, что указанная сумма будет выделена тем университетам, которые выигрывают конкурс на статус элитных. DFG (Немецкий научный фонд) также высказался в пользу этой инициативы. Победители конкурса получали примерно по 20 млн евро в течение пяти лет. Несмотря на то что для немецких университетов это значительные суммы, они не сопоставимы с финансированием Гарварда, Стэнфорда и MIT, выбранных в качестве образцов элитных университетов. В целом дебаты показали, что университетам, претендующим на лидерство в системе высшего образования, придется включить все свои предпринимательские возможности по привлечению дополнительного финансирования и, следовательно, разработать и реализовать комплекс мер по аккумуляции средств из внешних источников (за счет предоставления платных услуг, получения грантов и т. д.).

• Наконец, третий блок широко обсуждаемых вопросов касался автономии. Мнения единогласно сошлись на том, что университеты должны обладать большей автономией. Это касалось не только вопросов, относящихся к распоряжению денежными средствами, но и вопросов, затрагивающих свободу в принятии решений. Университеты сразу же выступили с инициативой о самостоятельном отборе студентов и о необходимости ввести плату за обучение, поскольку образование, гарантирующее превосходство, должно быть оплачено³. Кроме того, вознаграждение профессорам, которые оплачивались по тарифной сетке государственных служащих, должно быть дифференцировано на конкурсной основе в соответствии с профессиональной репутацией и востребованностью как в академической сфере, так и за ее пределами. В ходе дебатов университетам предлагалось вступить в открытую конкуренцию на рынке знаний по соответствующим направлениям.

Рассмотренные блоки вопросов не оставляют место сомнениям. Совершенно очевидно, что в новых условиях университетам предлагается развивать именно предпринимательскую сторону. Однако надо понимать, что термин «элитный» выступал в качестве крючка, на который и политики, и представители университетов нанизывали свои интересы. Например, политики в качестве цели предлагаемой реформы провозглашали желание получать большее число лауреатов Нобелевской премии – выходцев из германской университетской среды. Даже те из них, кто обычно скептически относился к идее элитных университетов (например, представители Партии «зеленых») в ходе дискуссий увлеклись идеей улучшить высшее образование Германии путем создания сетевых структур превосходства, охватывающих университеты, неакадемические институты и предпринимательские круги. Представители университетов, со своей стороны, вкладывали в реформу особый смысл. Многие пытались выставить себя в выгодном свете, пространно рассуждая о «наступившей революции», «новом мире» и празднуя «уход депрессивных времен в прошлое».

Провозглашение курса на создание элитных университетов практически означало диверсификацию немецкой системы образования, отход от

³ После окончания начальной школы немецкие школьники распределяются в один из трех видов школ (Hauptschule, Realschule, Gymnasium). Только обучение в Gymnasium позволяет ученику после ее окончания поступать в университет или другое высшее учебное заведение.

основного принципа университетской модели Гумбольдта: единство обучения и исследования (научного и образовательного процесса) и необходимость к адаптации системы финансовой поддержки к развитию исследовательского сектора университетов. Общее послание дебатов, перенесенных в медиапространство, заключалось в том, что невозможно создать элитный университет с нуля, имея на руках лишь идеальный проект. Элитные университеты должны являться результатом эволюции. В основании эволюционной модели предполагается наличие:

- а) сильных исследовательских центров, которые имеют высококлассный состав ученых, публикации и результаты мирового уровня и которые развиваются путем привлечения внешних ресурсов;
- б) продуктивной кооперации между институтами уже существующих исследовательских организаций;
- в) академических программ;
- г) конкуренции между этими центрами.

Необходимой предпосылкой является то, что для усиления исследовательских структур необходимо инвестирование существенных финансовых ресурсов. При этом к середине 1990-х гг. в Германии реформенная реальность была такова, что бюджеты многих университетов не росли уже на протяжении 20 лет. Увеличивающиеся издержки на персонал и инфраструктуру, а также непомерный рост отдельных направлений и, соответственно, затраты на них, например на молекулярную биологию, неумолимо обрекают бюджет на сокращение.

Вместо гомогенизированной университетской системы появляются индивидуализированные организационные структуры (университеты), которые отныне должны самоуправляться, позиционируя себя во внутренней (академической) и внешней (экономике и обществе) среде, что, собственно говоря, и должен делать предпринимательский университет. Напомним, что главными характеристиками предпринимательского университета являются эффективность и ответственность, обусловленные прозрачностью. А различия между университетами, образно выражаясь – «качество их продуктов», должны быть очевидны для потребителя. Иными словами, студенты должны быть полностью информированы о качестве обучения, а потенциальные потребители научного продукта, т. е. компании, – о качестве соответствующих исследований. Предполагалось, что в результате рефор-

мы так называемые ленивые профессора, испорченные государственной службой, будут вынуждены выйти из летаргического сна и активизировать свою деятельность. Требования университетов получать большее финансирование столкнулось с требованием политиков к университетам показывать большие результаты. Столкновение этих требований породило систему ранжирования, или рейтингов. Первыми, кто с энтузиазмом подхватил идею составления рейтингов, были, как это ни парадоксально, не университеты, а средства массовой информации. Именно СМИ ответственны за введение и популяризацию идеи ранжирования университетов, которая, как мы покажем ниже, оставляет немало места для многочисленных манипуляций.

Мы уже отмечали, что средствам массовой информации в неолиберальной реформе университетов Германии принадлежала чуть ли не главная роль. Именно СМИ обеспечивали широкую аудиторию общественным дискуссиям, проводившимся по вопросам изменения моделей функционирования университетов. Именно они формировали повестку дня по тому или иному вопросу реформы. Роль средств массовой информации особенно хорошо заметна на примере продвижения в обществе идеи о ранжировании университетов и составлении университетских рейтингов.

Когда в 1993 г. журнал *Der Spiegel* впервые опубликовал университетский рейтинг, это вызвало большой общественный резонанс и резкую критику в отношении методологических ляпов, допущенных при формировании этого рейтинга. Тем не менее журнал положил начало конкуренции между различными СМИ за публикацию подобных рейтингов, составленных как в национальном масштабе, так и в международном. Несмотря на свой неофициальный характер, рейтинги послужили спусковым механизмом для соревнования университетов между собой за право подняться на первые строчки списка. Надо заметить, что в тот период университеты страны находились под жестким финансовым прессом и испытывали долговременный дефицит финансирования, не в последнюю очередь сложившийся вследствие истощившихся финансовых ресурсов, потребовавшихся на мероприятия по ассимиляции научной и образовательной системы Восточной Германии западной ее частью. По-видимому, финансовые трудности подталкивали университеты к тому, чтобы самим позиционировать себя как более сильные по сравнению с другими учебными заведениями.

В данном аспекте кампания по созданию элитных университетов легла на благодатную почву, орошенную финансовым кризисом, которая способствовала образованию демаркационной линии между будущими элитными университетами и вузами, таковыми не являвшимися. Так, например, еще до возникновения вопроса о ранжировании некоторые университеты на своих веб-сайтах декларировали, что они принадлежат к элитным вузам.

С формальной точки зрения важнейшей целью рейтингов является сопоставление однородных подразделений или организаций согласно определенным критериям или показателям, с тем чтобы, определив их позицию по отношению друг к другу, побудить их занять более высокие строчки. Синоптический взгляд свидетельствует о том, что важнейшая стимулирующая роль ранжирования заключается в способности задавать направление, в рамках которого данной организации необходимо изменяться. В качестве инструмента эффективного управления в обществе знаний рейтинги должны соблюдать соответствие между размерностью (набором показателей), который они задают, и типом организации, в данном случае университета. Проще говоря, ранжирование должно зависеть от того, насколько университет способен обеспечить выполнимость того или иного требования, например гарантировать определенное число публикаций. Именно в этом пункте возникают основные проблемы, связанные с рейтинговой оценкой.

Во-первых, правила корректной оценки требуют, чтобы сравнения проводились между однородными структурами. В случае с университетами это условие выполнить практически невозможно, поскольку они значительно отличаются между собой по размеру и внутренней структуре. Естественно, что большие университеты являются гораздо более сложным организмом, нежели маленькие по масштабу вузы. Кроме того, факультеты сильно разнятся по качеству, не говоря уже о том, что управление на уровне факультета (более конкретном) гораздо труднее выстроить, чем на уровне университета в целом (более абстрактном, где межфакультетские особенности «стираются»). Помимо этого, университеты трудно сопоставить, отталкиваясь от тех функций, которые они выполняют. Например, как можно сравнивать между собой особенности обучающего процесса, проведения исследований, накопленного потенциала или особенностей технологического трансфера?

Во-вторых, несмотря на то что университет представляет собой корпорацию, особенности этой корпорации таковы, что управление ею не сопоставимо с корпоративным управлением в сфере бизнеса. Например, на самом верхнем уровне ректор или начальники университетов имеют власть, которая не может сравниться с властью совета директоров крупной индустриальной корпорации, поскольку в университетском мире огромная часть принимаемых решений формируется благодаря корпусу ведущих кафедр и ведущих профессоров, а на уровне деканов факультетов и университета в целом эти решения как бы обретают законную силу, формализуются⁴. Но рождаются и закрепляются они на неформальном уровне – уровне ведущих кафедр и профессоров. Организационная, формальная структура университета на самом деле является оболочкой, или щитом, прикрывающим профессорско-преподавательский корпус, который, в свою очередь, весьма разнороден как по дисциплинам, так и по научным интересам. Сказанное верно для всех университетов континентальной Европы и послевоенной Японии. Роль профессора университета не сопоставима с позицией управленца среднего звена, который может быть нанят или уволен по желанию вышестоящих лиц. Для исследователей и профессоров университетов статус и репутация их кафедр или факультетов гораздо важнее статуса или репутации университета в целом. В свою очередь, репутация факультета есть производная от репутации выдающихся ученых и профессоров. А последняя зарабатывается на протяжении всей исследовательской и преподавательской деятельности отдельно взятого человека. Поэтому если по каким-то причинам факультет лишается части своих выдающихся членов, то и репутация факультета очень быстро меняется в худшую сторону. Если следовать той же логике, нетрудно догадаться, что репутация отдельных факультетов внутри одного университета существенно различается.

В-третьих, рейтинговые оценки и соответственно ранжирование университетов значительно отличаются в зависимости от критерия, который был положен в основу при составлении рейтинга. Большинство рейтингов многомерны. Попытка ранжировать университеты по совокупности показателей приводит к тому, что рейтинговые оценки охватывают как исследовательскую часть университетов, так и образовательный процесс. Качество

⁴ Здесь уместно процитировать шутивное замечание ректора МГУ им. М. В. Ломоносова В.А. Садовниченко: «Университетом управляет не ректор, университетом управляют традиции».

университетских исследований отражается в библиометрических показателях: количество публикаций, цитирование или некоторые комбинации обоих показателей. Качество обучения ранжируют такими оценками, как соотношение численности студентов и преподавателей, количество технически оборудованных учебных мест. Кроме того, некоторые рейтинги учитывают субъективные оценки, полученные от студентов, преподавателей или менеджеров по персоналу. Субъективные оценки грешат тем, что они в основном базируются на прошлом опыте и не включают в себя систематические (регулярные) сопоставления. Тут будет уместно упомянуть Шанхайский рейтинг, который в качестве одного из критериев использует количество лауреатов Нобелевской премии. С методологической точки зрения нет достаточных оснований для применения этого индикатора, так как ни один из ректоров или высокопоставленных членов университета не решится прогнозировать количество нобелевских лауреатов, возвращенных в своих стенах, и уж тем более никак не влияет на их количество.

И наконец, в-четвертых, проблема, с которой не справится ни один рейтинг, это проблема субъективных оценок. Другими словами: «А судьи кто?». Кто выступает в качестве экспертов, оценивающих работу университетов? Например, при экспертной оценке возникает феномен когнитивной дистанции, который приводит к субъективным выводам. В такой ситуации библиометрические показатели более надежны.

Резюмируя, можно сказать, что рейтинги представляют собой весьма упрощенную форму, в которую невозможно вместить многообразие функций и деятельности такой комплексной организации, как университет. И уж тем более рейтинги утрачивают мало-мальский смысл при попытке сравнить несравнимое. Например, невозможно сопоставить присущие тому или иному университету особенности преподавательских традиций или сложившуюся культуру проведения научных исследований, которые, как мы говорили, могут очень сильно отличаться от факультета к факультету и уж никак не могут выступать однородными правилами на уровне университета в целом. Между тем трудно опровергнуть очевидный факт: соблазн ранжирования университетов весьма велик. Университеты идентифицируются с тем или иным городом или регионом, как, например, футбольные команды. Иными словами, в обществе они выступают чем-то вроде бренда той или иной местности. И это не последняя причина, по которой средства

массовой информации с таким энтузиазмом поддерживают и распространяют разного рода рейтинги.

Теперь приведем несколько соображений, показывающих, что рейтинги являются в большей мере инструментом манипуляции общественного сознания, нежели объективной оценкой того или иного университета. Если сравнить между собой результаты регулярных рейтингов, то можно увидеть, что показатели отдельно взятого университета от года к году сильно отличаются. В то время как любой здравомыслящий человек понимает, что университетская среда консервативна, и столь сильное колебание показателей за столь малый промежуток времени, мягко говоря, невозможен. Если рассматривать позицию одного университета в разных рейтингах одного и того же года, то она тоже будет сильно отличаться от рейтинга к рейтингу. Для серьезных специалистов рейтинги представляют собой информацию, которая так же далека от действительности, как научно-популярное изложение теории вероятности от серьезных математических выкладок.

В современном обществе, которое потребовало от университетов исполнения предпринимательской роли, рейтинги являются, скорее, публичной красной тряпкой. Ею размахивают на публике, чтобы заставить университеты действовать в рамках заданных правил публичности. Весьма показательны в этом смысле реакции руководителей университетов на результаты – места возглавляемых ими организаций в том или ином рейтинге. Скажем ректоры Мюнхенского или Боннского университетов, которые традиционно занимают высокие строчки в немецких рейтингах, обычно комментируют результаты бравурными речами о том, как много было сделано и как много еще предстоит сделать, чтобы достойно нести знамя лидерства. Руководители университетов, занявших в списке нижние строчки, как правило, указывают на субъективность подобных оценок и аргументируют свои высказывания с помощью примеров методологических ошибок того или иного рейтинга. И такие сценарии проигрываются при каждой новой публикации рейтинга.

Немецкие науковеды признают, что рейтинговые оценки стали одной из основных составляющих в продвижении модели предпринимательского университета в Германии.

В середине 1990-х гг. была опубликована нашумевшая книга Билла Ридингса «Университет в руинах» [6], которая описывает сдвиг, произошедший в традиционно определяемой функции университета от кантианской концепции разума и идеи культуры Гумбольдта к современной технократической идее превосходства. Иными словами, эта работа констатировала печальный факт ухода модели классического университета в прошлое. Его место занял предпринимательский университет. В новой университетской модели акцент с образования и исследования как таковых сместился на результаты, которые должны соответствовать концепции превосходства, т. е. образовательный процесс должен «на выходе» гарантировать самый высокий уровень образования, а результаты исследования должны превосходить все остальные. На самом деле, говоря о том, что Гумбольдтианская классическая модель университета заменена предпринимательской, мы имеем в виду, что на первый план в оценке деятельности университета вышли предпринимательские ценности, а ценности классического университета как бы отошли на второй план. Другими словами, обе модели сосуществуют. С одной стороны, мы имеем классическую модель университета, понимаемую как сообщество ученых, как организацию, которая несет в себе ценность универсального знания в традициях культуры и гуманизма, как институт, который выпускает студентов, образовывая их и воспитывая в духе концепции ответственных членов общества и будущих лидеров. С другой стороны, на ту же университетскую структуру накладывается рыночно ориентированная неолиберальная модель, которая описывает тот же самый университет в терминах инновационного лидерства, создания знаний, развития интеллектуального и социального капитала с целью увеличения благосостояния и жизненных стандартов в конкретном обществе. То есть мы живем в ситуации, когда от университетов требуется достижение несовместимых целей: воспитания управленческой элиты и массового обучения студентов для поддержания уровня промышленного развития и конкурентоспособности нации в глобальной экономике.

Университеты вынуждены принять правила игры, навязывающие им амбивалентное поведение. Они должны поддерживать себя как островки элитарности и в то же время открывать двери для более широкой публики, с тем чтобы соответствовать требованиям трех уже названных божков современного «аудиторского» общества: отчетности, прозрачности и эффективности. Научное сообщество более не может оставаться открытым и рассчитывать только на собственные оценки и независимую экспертизу своих

коллег. Отныне оно должно соответствовать требованиям эффективности и прозрачности и доказывать внешнему миру свою полезность в обмен на получение государственного финансирования. Немаловажным замечанием относительно современных подходов к управлению университетами является то, что концепция превосходства, используемая как политический инструмент по отношению к университетам, на самом деле бессодержательна. Концепцию превосходства невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Она не истинна и не ложна. Равно как и другие политические технологии, концепция превосходства лежит за границами идеологического пространства, именно поэтому ее так трудно опровергнуть. Концепция превосходства прекрасно вписывается в риторику демократического управления, улучшения качества и служит средством иммунизации появляющихся предпринимательских университетов от любых видов критики.

Несомненно, что университеты нуждались в реформе, для того чтобы лучше адаптироваться к новым условиям. Однако важно иметь в виду, что бездумное применение бессодержательных управленческих инструментов может завести университетскую среду в никуда. Количественные показатели, всякого рода рейтинги и риторика превосходства не должны заменять ценности научного поиска, фундаментального образования и ответственности за судьбу общества. Самые очевидные последствия университетской реформы сводятся к следующему.

Во-первых, реформа оказалась весьма затратной. Возросла степень бюрократизма, администрирующего университетскую жизнь. Появились специализированные структуры, деятельность которых заключается в обеспечении оценочных процедур и написании соответствующих отчетов. И тут в пору вспомнить бессмертного Л. Н. Толстого: «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним – ходить». Очень часто бывает так, что написанные на бумаге требования, сталкиваясь с реальной жизнью, оказываются невыполнимыми. Тогда вверх берет формализация отчетного процесса ради самой отчетности, а не для отражения реально происходящих процессов.

Во-вторых, научно-преподавательское сообщество оказалось под прессом новых задач, которые связаны с необходимостью контролировать себя на предмет соответствия оценочным процедурам, а также тратить значительное количество времени на подготовку многочисленных проектных

заявок. Выполнение этих задач поглощает значительную часть рабочего времени. По разным оценкам, если в начале 1990-х гг. удовлетворялись около 50% написанных заявок, т. е. каждая вторая, то теперь успешными оказываются не более 10%, т. е. каждая десятая. Нетрудно представить, сколько времени таким образом тратится непродуктивно.

В-третьих, новые требования администрирования в университетах вступают в противоречие с процессом производства знаний. Например, ученые вынуждены участвовать в различных временных коллективах, междисциплинарных проектах, отвечая на спрос со стороны непрофессионального общества (не других ученых). Общество начинает задавать тематические направления, несмотря на то что сам научный процесс диктует иную логику. Парадоксально, но вмешательство внешней среды в алгоритм научного процесса уводит ученых в сторону от выдвигаемых этой же внешней средой требований проводить исследования в соответствии с концепцией превосходства. Например, известно, что трансдисциплинарные проекты, щедро финансируемые последнее время, являются крайне затратными по времени, которым ученый мог бы распорядиться с большей эффективностью, работая по специализированной тематике.

В-четвертых, новый режим регулирования деятельности университетов приводит к тому, что индивидуальная конкуренция ученых между собой за получение новых знаний и улучшение научной репутации фокусируется на внешней стороне научной деятельности: публикации в журналах с высоким импакт-фактором, участие в грантах и других проектах с внешним финансированием, международная активность. Погоня за количественными показателями уводит ученых в сторону от логики собственных научных достижений и группирует их по направлениям мейнстрима, задаваемым внешней средой. Тогда научное сообщество оказывается лицом к лицу с опасностью утратить свое многообразие, проигнорировать или упустить перспективные направления, пренебречь стратегическими задачами в пользу конъюнктурных направлений. В результате навязывание правил аудиторского общества уводит науку от науки. Именно поэтому, прежде чем слепо полагаться на критерии отчетности, прозрачности и эффективности, необходимо найти золотую середину между традиционными ценностями научного сообщества и требованиями современных управленческих концепций.

Список литературы

1. Cozzens S. Opinions for the Future Research Evaluation // The Research System in Transition; Eds. S. Cozzens, P. Healey, A. Rip J. Ziman. Dordrecht: Kluwer, 1990.
2. Whitley R. Changing Governance of the Public Sciences. Chapter 1 // The Changing Governance of the Sciences: The Advent of Research Evaluation Systems; Eds. R. Whitley, J. Glaser. Dordrecht: Springer, 2007.
3. David P. A. The Historical Origins of 'Open Science': An Essay on Patronage, Reputation and Common Agency Contracting in the Scientific Revolution // Capitalism and Society. 2008. V. 3. № 2. Art. 5.
4. Foray D. Research Universities' Futures in the Networked World: Technological Challenges and Opportunities for Institutional Responses. Unpublished, EPFL, 2009.
5. Weingart P., Maasen S. Elite through Ranking – The Emergence of the Enterprising University. Chapter 4 // The Changing Governance of the Sciences: The Advent of Research Evaluation System; Eds. R. Whitley, J. Glaser. Dordrecht: Springer, 2007.
6. Readings B. The University in Ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Аэронавтика и космос

Биотехнологии и генетика. Сельское хозяйство, пищевая и химическая промышленность

Информационные и телекоммуникационные технологии и вычислительная техника

Исследования в области ядерной и квантовой физики

Медицинские технологии и оборудование

Нанотехнологии и новые материалы, микроэлектроника

Социальные и экономические науки и статистика

Энергетика и транспорт

Экология и рациональное природопользование